

Символика Китая в современной русской литературе

М. Н. Крылова

АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКИЙ ИНЖЕНЕРНЫЙ ИНСТИТУТ, ЗЕРНОГРАД

Аннотация. Анализируется апелляция современной языковой личности к символике Китая; выясняется, каким образом данная символика реализуется в текстах произведений современной русской художественной литературы, не связанных с «китайской темой». Отмечается, что Китай – неоднозначный символ. Он воспринимается языковой личностью как носитель и положительной символики (древняя история, богатая культура, прекрасное искусство, политическая значимость, стабильность, экзотика, таинственность), и отрицательной (низкое качество товаров, переизбыток населения). Восприятие Китая стереотипно, что приводит к формированию устойчивых образов, при этом символы, выражающие его, разнообразны по коннотациям и оценкам. Символика Китая очень востребована: в корпусе текстов современной русской художественной литературы практически нет таких, в которых знаки, связанные с Китаем, отсутствуют.

Ключевые слова: Китай, символ, семиотика, современная русская художественная литература.

УДК 81'22

Крылова М. Н. Символика Китая в современной русской литературе // Критика и семиотика. 2016. № 1. С. 227–235.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2016. № 1
© М. Н. Крылова, 2016

Контактная информация: Крылова Мария Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры профессиональной педагогики и иностранных языков Азово-Черноморского инженерного института (ул. Ленина, 21, Зерноград Ростовской обл., 347740, Россия, krylovamn@inbox.ru)

Соседство с великим Китаем для русской культуры, искусства и литературы всегда значило много. Начиная с XVIII в. Китай служил для русской аристократии символом экзотического и поэтому манящего Востока. По мнению А. И. Шифмана, интерес к Востоку сопутствовал всей идейно-общественной и литературной жизни России XVIII и XIX вв. [1971, с. 10–11]. Внимание к Востоку и, в частности, Китаю стимулировалось общественным интересом к системе управления Китая, его социальному устройству, религии. Российских ученых и писателей XIX в. Китай привлекал как символ иного пути, чем западный с его агрессией. В XX в. начал формироваться интерес к китайской литературе и культуре. Г. Рустамзода отмечает: «Судьбы Востока, его народов и культур глубоко интересовали Достоевского, Тургенева, Некрасова, Гончарова, Глеба Успенского, Щедрина, а позднее в еще большей мере Чехова, Короленко и Горького» [2013, с. 176]. Непохожесть китайской культуры на русскую, несходство русского и китайского языков, глубокие различия в менталитете, философии, мировосприятии и сегодня вызывают у носителей русского языка интерес к китайской культуре и желание ее понять. Стремительное развитие Китая в современном мире, прогресс его технологий, стабильность общественного устройства в сопоставлении с катаклизмами, сотрясающими Европу и Россию, порождают стремление осознать причины данных явлений, постигнуть феномен Китая. Для понимания перспектив развития взаимоотношений между российским и китайским социумами важно также оценить, каково отношение к Китаю в российском обществе.

Цель данной статьи – выявить, с какими символами ассоциируется Китай у современного россиянина. Исследование проводится на материале произведений современной художественной литературы, разных по жанру, стилю, относящихся к разным литературным направлениям, неодинаковым по художественной ценности. Языковая символика анализируется нами с точки зрения семиотики языка. Семиотические исследования позволяют взглянуть на язык с позиций имплицитно и бессознательно выражаемых языковой личностью с его помощью смыслов.

Отметим, что в системе современных русских художественных произведений есть рассказы, повести и романы, в которых символика Китая выражается авторами намеренно, в которых «китайская тема» является основной или одной из основных: рассказ В. Пелевина «СССР Тайшоу

Чжуань», цикл романов Хольма ван Зайчика «Евразийская симфония», роман Д. А. Пригова «Катя китайская», повесть Г. Климовской «Синий дым Китая» и др. Анализируют данные произведения с точки зрения «китайской темы» в их структуре Лю Ядин [2008], М. Н. Хабибуллина [2013], Г. А. Сорокина [2014], Е. Н. Проскурина [2015] и др.

Нас, однако, интересуют такие произведения, в которых Китай как тема или место повествования, как источник образности не фигурирует. Это произведения, в которых нет героев-китайцев, а авторы, используя китайскую символику, отсылая читателя к Китаю с помощью ассоциаций, действуют на бессознательном уровне. Именно в этом случае семиотическое исследование покажет реальную картину воплощения символики Китая в сознании современной русской языковой личности.

Первое, что обращает на себя внимание при анализе символики Китая, – это ее широкая распространенность. В современной художественной литературе исключительно мало текстов, в которых ни разу не упомянут Китай, в которых нет прилагательного *китайский*. При этом Китай и всё «китайское», упоминаемое авторами, выражает какую-то символику, соотносится с явлениями российской и мировой действительности. Символы обладают различными коннотациями – положительными и отрицательными. Китай, китайское практически не звучат нейтрально. Рассмотрим эти символы.

Для типичного россиянина – героя литературного произведения, а значит, и для современной языковой личности важно восприятие Китая с точки зрения его положения в политической картине современного мирового устройства. Осознается противостояние США и Китая, который заменил на мировой арене в этом отношении СССР, Россию: «Ну, что ж, понимаете, надо американцам позавидовать, вот так надо работать политиками. Молодцы! Без единого выстрела занять целое государство [имеется в виду Россия. – М. К.], да какое! Теперь единственный остался Китай, но я уверен, что американцы найдут и туда ключи» (В. Ерофеев. Мужчины: тираны и подкаблучники).

Несомненным для россиянина является значительность современного Китая как огромной державы и его великое будущее. Л. Каганов в одном из фантастических рассказов прогнозирует развитие мира: «Итак, мы находимся на территории свободного государства, которое называется Евро-индо-афро-китайский союз» (Л. Каганов. Флэшмоб-террор). В. Сорокин в фантастическом произведении жанра антиутопии выдвигает схожий оптимистический прогноз дальнейшего развития Китая в противопоставлении с прогнозируемой им деградацией значимых держав современности: «Достаю лупу, гляжу пристальней: отменные, явно китайского производства, не Америка убогая и уж точно не Голландия» (В. Сорокин. День опричника). Автором прогнозируется расселение китайцев по Сибири и постепенная ассимиляция живущих там русских с китайцами: «Орен-

бург, своими пуховыми платками да красавицами узкоглазыми, русско-китайскими знаменитый...». Провидческая сила многих писателей-фантастов, их умение в игровой форме предсказать историческое развитие, неоднократно отмечались исследователями, что заставляет серьезно смотреть на подобные прогнозы в современной русской фантастической литературе.

Среди образов, связанных с Китаем, очень редко встречаются авторские, нехарактерные для типичной языковой личности. Например, китайская история ассоциируется с бесчеловечными ритуалами: *«Тут вспомнилось прочитанное из китайской гшиторши про злого богдыхана, который омолаживал кожу в крови младенцев»* (Б. Акунин. Внеклассное чтение). Чаще наблюдаются символы устойчивые. Китайская культура, искусство для современного носителя языка сконцентрированы в ряде символов – предметов культуры и искусства, и реализуются посредством устойчивых сочетаний: *китайский халат, китайский болванчик, китайская ваза, китайский фарфор, китайский шёлк* и т. п.

Китайский халат символизирует удобство, домашность и одновременно шик, богатство, роскошь: *«Светлейший, вышедший к посетителям в китайском халате, сначала закусывал: кушал маслилки, начиненные соловьиными язычками, и щипал шемаханский виноград»* (Б. Акунин. Внеклассное чтение). Китайский шелк позиционируется как одна из самых качественных и дорогостоящих тканей: *«Да, это шёлк, причем очень хороший, китайский»* (Ю. Вознесенская. Путь Кассандры...). Китайский болванчик, как правило, непростая, интересная, экзотическая кукла: *«Я для неё что, кукла затейная, китайский болванчик»* (Б. Акунин. Внеклассное чтение). Данный образ используется писателями для создания метафор (пример выше) или сравнений: *«Пока я обо всем этом думаю, мой приятель уже трясет головой, как китайский болванчик, роняет на себя сигаретный пепел...»* (С. Минаев. Духless: Повесть о ненастоящем человеке). Образность самого явления подкрепляется здесь образностью всего китайского, умножается на нее, что усиливает выразительное средство. Китайские образы, отсылающие к предметам культуры, помогают авторам создать яркие сравнения: *«...Сияющие зубы, на вид почти прозрачные, как китайский драгоценный фарфор, молочное стекло»* (Л. Петрушевская. Бессильные руки). «Китайское» здесь – это древнее, прекрасное, хорошо известное всему миру, ценное.

В восприятии языковой личности прекрасны, замысловаты, таинственны китайские иероглифы: *«Она выпорхнула из такси такая счастливая, такая воздушная: золотистые кудряшки до плеч, платье в оборочку, сетчатые чулочки, на щеке приклеен китайский иероглиф – ну просто первый бал Наташи Ростовоной»* (Б. Акунин. Внеклассное чтение). Их классические изображения видим и в образах, где напрямую иероглифы не упоми-

наются: «...Голые деревья парка были словно нарисованы китайской тушью на золотом шелке» (Ю. Вознесенская. Путь Кассандры...).

Частью китайской культуры и истории выступают борьба и единоборства (ушу), к которым языковая личность выказывает уважение, демонстрирует непонимание и одновременно восхищение: «Иван невольно вспомнил байки про загадочный китайский “стиль пьяницы”» (М. Кликин. Мёртвые пашни).

Китай нередко выступает символом «интерконтинентальности», причиной чего, несомненно, является многочисленность китайцев и их распространение по всему миру, присутствие практически в каждой стране. Характеризуя один из сильных своих образов, В. Ерофеев пишет: «Сильнее всякой идеологии, она [утренняя мужская эрекция. – М. К.] реактивна и интерконтинентальна, с ней просыпаются Папа Римский и разные думские фракции, голливудские звезды, нацисты, **китайцы**, старьевщики, дипломаты, бандиты, издатели моих книг, британские принцы, Международный Красный Крест». Сильным стилистическим средством в данном случае является ряд однородных членов, каждый компонент которого важен и способствует созданию в итоге совокупного описания «мужчины мира». Показательно, что «китаец» становится компонентом такого коллективного портрета.

Китайским символам с положительными коннотациями противопоставляются в произведениях современной русской художественной литературы символы с отрицательной, негативной окраской.

В 90-е гг. XX в. на прилавки российских магазинов и рынков поступило много некачественных товаров китайского производства. И хотя сейчас на китайских фабриках производится качественная продукция ведущих мировых фирм, Китай по-прежнему упоминается как символ низкокачественного товара: «Главное, – Марат поднял палец, – не покупай яд, где попало, впарят китайскую подделку, только деньги потеряешь...» (Л. Каганов. Нульгород), «Вино – так себе, кислятина. Китай делает, не Кавказ, что ты от них хочешь» (Там же), или товара, не подходящего для русского человека: «Только подходящей обуви не было для Оксаны, туфелек со шпильками китайцы не выпускали на её сорок первый мужской размер» (Л. Петрушевская. Как Пенелопа). Этот символ отразил также то, что китайские товары часто являются подделками известных мировых брендов: «Взял только патрон от автомата и ножичек с десятью приборами, считая зубочистку, который мама называла действующей моделью швейцарского офицерского ножа, потому что он был совсем как швейцарский, но китайский и тупился моментально» (Е. Некрасов. Блин – гроза наркобандитов). Хотя надо признать, что и сегодня в продаже есть некачественные китайские товары, так что данная ассоциативная связь подкрепляется реальностью. Акцентируется роль Китая как коммерческого партнера, как поставщика огромного количества разнообразных товаров: «Ну хорошо,

вместо старых кроссовок на нём были бы лапти, а вместо китайской куртки какое-нибудь рубище» (Б. Акунин. Внеклассное чтение), как источника капиталов многих современных предпринимателей: «Он начал свою карьеру в конце 1980-х, когда возил в Китай живых пекинесов. Чтобы их ели. А из Китая – плюшевых» (О. Робски. Про любoff/on).

Данные образы быстро становятся устойчивыми: *китайская лапша*, *китайская куртка*, *китайские кроссовки* и т. п. противостоят в сознании языковой личности упомянутым выше образам качественных и дорогостоящих китайских товаров, производимых в древности.

Как яркий символ выступает многочисленность китайцев и быстрое увеличение их количества: «Да мы расплодился бы хлеще китайцев» (С. Минаев. Духless). Этот образ также можно назвать сегодня постоянным. У него может быть и положительная коннотация (удивление, уважение), что отмечалось выше, и отрицательная (насмешка).

Китай может включаться поэтому в сложную структуру многозначного, неясного, допускающего разные трактовки образа. Например, у Ю. Шевчука, в тексте одной из песен группы «ДДТ» находим строки:

Все говорят,
Что звёзды мне благоволят...
Я на коне – дыши, летай!
В душе тоска, в душе тоска,
В душе тоска, вокруг Китай!!!

Пояснений относительно смысла образа в песне нет, и слушателю (а творчество Ю. Шевчука именно слушают, вслушиваются в слова, это так называемый русский смысловый рок) предстоит самостоятельно выяснить, что имеет в виду автор. Мы думаем, что в приведенном примере наблюдается антитеза восприятия автором внешней стороны своего существования, кажущегося вполне благополучным («Все говорят...»), и внутреннего негативного ощущения им происходящего. И Китай в таком случае выступает как символ негатива, одна из причин того, что «в душе тоска».

Нельзя сказать, что писатели не понимают стереотипизации восприятия Китая современной языковой личностью, в том числе своими потенциальными читателями. В. Ерофеев, обличая в резкой форме бездуховных людей, кичащихся своей культурой, а на самом деле бескультурных, перечисляет наиболее распространенные в их среде стереотипы («Стихотворение для них – сильнее глубокого массажа... Лондон – мука левостороннего движения» и т. п.), указывает и один, связанный с Китаем: «Китай для них – председатель Мао Цзэдун». Хотя нельзя не признать, что стереотипное восприятие Китая и всего китайского русской языковой личностью

компенсируется разнообразными коннотациями данных символов, многообразием оценок.

При этом подчеркивается, что Китай часто упоминается языковой личностью «просто так», для красного словца, для яркого примера, без понимания настоящей действительности, без знания реального положения Китая, его культуры. Например, одна из героинь заявляет: «*Наш номер был обставлен как китайский опиумный притон!*» (О. Робски. Про любовь/он), а когда ее спрашивают о том, была ли она в Китае, гордо отвечает: «*Я была в Лондоне*».

Итак, в текстах произведений современной художественной литературы, не являющихся носителями «китайской темы», не связанных с Китаем намерением авторов, Китай и «китайское» наделены яркими символическими смыслами. Можно выделить символику разнообразных коннотаций. Важными, символическими качествами Китая выступают его древняя история, прекрасные произведения искусства, культурное наследие, значимость на мировой арене, немаловажная роль в политическом устройстве современного мира, в мировой экономике. Китай выступает также символом экзотики, необычного, замысловатого, таинственного и потому манящего. Одновременно Китай ассоциируется с многочисленностью, даже избыточностью населения, низким качеством производимых там товаров. В семиосфере современного русского языка Китай выступает весьма неоднозначным, но очень важным символом.

Список литературы

Лю Ядин. Образы китайской культуры в русской прозе 1980–2000-х гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 3. С. 156–158.

Проскурина Е. Н. Функция китайской темы в провинциальной прозе Галины Климовской (на материале повести «Синий дым Китая») // Изв. Урал. федерал. ун-та. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. Т. 139, № 2. С. 80–88.

Рустамзода Г. К вопросу изучения проблемы связи Толстого с Востоком // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6-1 (24). С. 175–178.

Сорокина Г. А. Ориентализмы в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня» // Вестн. Орлов. гос. ун-та. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 6 (41). С. 259–261.

Хабидуллина М. Н. Репрезентация «культурного иного» в романе Д. А. Пригова «Катя китайская» // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 251–255.

Шифман А. И. Лев Толстой и Восток. М., 1971.

Список источников примеров

- Акунин Б.* Внеклассное чтение: Роман. В 2 т. М.: Захаров, 2012. 750 с.
- Вознесенская Ю. Н.* Путь Кассандры, или Путешествие с макаронами. М.: Лепта Книга, Эксмо, Яуза, 2006. 576 с.
- Ерофеев В. В.* Мужчины: тираны и подкаблучники. М.: АСТ, Зебра Е, 2009. 224 с.
- Зомби в СССР. Контрольный выстрел в голову: Сборник рассказов / Л. Каганов, М. Кликин, Ю. Бурносков и др. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 384 с.
- Каганов Л.* Дефицит белка: авторский сборник. М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2007. 384 с.
- Минаев С.* Духless. Повесть о ненастоящем человеке. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. 444 с.
- Некрасов Е.* Блин – гроза наркобандитов. М.: Эксмо, 2000. 224 с.
- Официальный сайт группы «ДДТ». URL: <http://www.ddt.ru> (дата обращения 11.10.2015).
- Петрушевская Л. С.* Рассказы о любви: Сборник. М.: АСТ; Астрель, 2012. 320 с.
- Робски О.* Про любовь/on: Роман. М.: Астрель: АСТ, 2011. 320 с.
- Сорокин Д.* День опричника. М.: Захаров, 2006. 224 с.

Article metadata

Title: Symbols of China in contemporary Russian literature

Author: M. N. Krylova

Author's e-mail: krylovamn@inbox.ru

Author affiliation: Azov-Black Sea Engineering Institute

Abstract. The article analyzes appeal of the modern language personality to the symbolism of China; it becomes clear how the symbolism of China is realized in the texts of the works of contemporary Russian literature, not related to the «Chinese theme». It is noted that China – an ambiguous symbol. Language personality perceives China as a carrier and the positive symbols (ancient history, rich culture, fine art, political relevance, stability, exotic, mysterious), and negative (the poor quality of goods, the surplus of population). The perception of China is stereotypically, which leads to the formation of stable images. At the same time the symbols relating to China are diverse in connotations and evaluations. Symbols of China is very demanded: in the corpus of texts of modern Russian literature is almost no works in which there are no signs associated with China.

Key terms: China, symbol, semiotics, contemporary Russian literature.

Reference literature (in transliteration):

Lju Jadin. Obrazy kitajskoj kul'tury v russkoj proze 1980–2000-h gg. [Images of China culture in Russian prose 1980–2000]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [*Problems of the Far East*], 2008, no. 3, p. 156–158.

Proskurina E. N. Funkcija kitajskoj teme v provincial'noj proze Galiny Klimovskoj (na materiale povesti «Sinij dym Kitaja») [Function of chinese topic in the prose of G. Klimovskoy (on the material of the piece «Blue steam of China»)]. *Izv. Ural. federal. un-ta. Serija 2: Gumanitarnye nauki* [*Newsletter of the Ural federal University. Series 2: Humanities*], 2015, vol. 139, no. 2, p. 80–88.

Rustamzoda G. K. voprosu izuchenija problemy svjazi Tolstogo s Vostokom [To the question of study of Tolstoy ties with the East]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [*Philological sciences. Questions of theory and practice*], 2013, no. 6-1 (24), p. 175–178.

Sorokina G. A. Orientalizmy v romane V. Pelevina «Svjashhennaja kniga oborotnja» [Eastern particulars in the novel of V. Pelevin «Sacred book of demon»]. *Vestn. Orlov. gos. un-ta. Serija: Novye gumanitarnye issledovanija* [*Journal of Orel State University. Series: humanities*], 2014, no. 6 (41), p. 259–261.

Habibullina M. N. Rerezentacija «kul'turnogo inogo» v romane D. A. Prigova «Katja kitajskaja» [Representation of cultural the other in the novel D. A. Prigov «Katja from China»]. *Politicheskaja lingvistika* [*Political linguistics*], 2013, no. 4, p. 251–255.

Shifman A. I. *Lev Tolstoj i Vostok* [*Lev Tolstoj and East*]. Moscow, 1971.